

31 декабря 1836 года Александр Сергеевич Пушкин проснулся рано. Настроение у него было преотличное. Весело насвистывая, он оделся, умылся и выпил чаю. Подумал немного и съел целую тарелку моченой морошки. И снова выпил чаю. Постоял у окна, с интересом наблюдая, как по набережной Мойки тянется на биржу извозчик и с кувшином охтенка спешит. Затем набросил на плечи шубу — все ж таки не май месяц — и поехал во дворец.

Там застал он предпраздничный переполох, не воображимый в иное время. Придворные где-то растеряли всю свою чопорность, катались по перилам и смеялись в голос, ну прямо как дети. Даже гвардейцы у дверей — и те напевали под нос нечто легкомысленное. «Я помню чудное мгнове-е-енье», — разобрал Пушкин, проходя мимо очередного великана.

Посреди тронной залы на приставной дубовой лестнице стоял царь. Сдвинув корону на затылок, он развешивал игрушки на гигантской елке. Царица, засучив рукава красивого шелкового платья, пересчитывала свертки с подарками: ein, zwei, drei... vierundfünfzig*... Вокруг сновали восторженно-румяные царевичи и царевны в карнавальных костюмах золотых рыб, звездочетов, богатырей и ткачих с поварами.

— Ба! Пушкин, ты ли это?! — воскликнул царь, увидев поэта. — Заходи, гостем будешь. Неужто пришел царя-батюшку с наступающим Новым годом поздравить?!

Проворно спустившись с лестницы, царь обнял гостя так крепко, что у того кости затрещали.

— Да, Ваше Величество, именно так, вот и подарок принес к праздничку — морошку моченую!

* Один, два, три... пятьдесят четыре...

Если, брат Пушкин, такая уж на тебя охота странствовать напала — прокатись до Архангельска или вот хоть до Иркутска — Россия большая! Что ты потерял в этой своей Европе?

- Ту самую?! На весь Петербург знаменитую?! — Царь от радости прищелкнул каблуками, изобразив некое подобие чечетки, но тут же вспомнил, что царям чечетку бить не к лицу, а потому сделал вид, будто просто стряхивает с сапог налипшие елочные иголки. — Ай да Пушкин! Ай да молодец! Вот можешь же, если захочешь. А то все: «Ты царь: живи один!» и прочие обидности. Ну, давай, раз такое дело, проси чего хочешь! Ничего для тебя не пожалею!
- Ничего-ничего? — осторожно уточнил Пушкин.
- Ни-че-го-шень-ки! Вот тебе мое нерушимое царское слово!
Пушкин набрал полную грудь воздуха, зажмурился и выпалил, словно боясь передумать:
- Отпусти меня в путешествие по Европе, царь-батюшка...
Воцарилась тишина. Мы сказали бы — гробовая, да с нашим праздничным рассказом эта мрачность как-то не вяжется. Поэтому давайте просто: воцарилась тишина. Царица перестала считать подарки. Царевичи и царевны застыли как вкопанные. Даже свечные огоньки — и те уже не потрескивали.
- Так-так-так, — процедил царь. — Вот ты, значит, как...
Сердито покрутил ус. Поправил корону. Обиженно засопел.
- Если, брат Пушкин, такая уж на тебя охота странствовать напала — прокатись до Архангельска или вот хоть до Иркутска — Россия большая! Что ты потерял в этой своей Европе?
- Не хочу в Иркутск! Хочу в Европу, — упрямо мотнул головой Пушкин.
- Mon cher*, да отпусти ты его — ведь не успокоится же! — проворковала царица мужу на ухо.
- Да, батюшка, отпусти! — воскликнула старшая царевна. — А месье Пушкин за границей новый роман напишет. Про любовь!
- Да кому нужна эта любовь! — перебил ее самый бойкий из царевичей. — Господин Пушкин, сочините там что-нибудь про рыцарей, про приключения, про погони!
- А лучше сказку, — пискнула младшая царевна в костюме Золотой рыбки.
- Будь по-вашему, — махнул рукой царь. — Точно в Иркутск не хочешь? — на всякий случай уточнил еще раз.
- Это всегда успеется, — глядя куда-то в сторону, заметил Пушкин.
- Ну, раз так, то вот тебе моя царская воля: отправляйся, брат Пушкин, в путь — людей заморских посмотри, себя покажи и без нового сочинения не возвращайся!

* Мой дорогой (фр.).

Поэт низко поклонился великодержавному семейству. Повернулся и вышел, не сказав ни слова (что, между нами, было с его стороны, конечно, не очень вежливо). А следующим утром почтовые лошади уже мчали его прочь из Петербурга в сторону Парижа.

* * *

Оказалось, что Париж очень похож на Петербург. Те же величественные дворцы по соседству с убогими лачугами, те же каменные мосты через широкую реку, та же суета и людская круговерть. Похож-то похож, да, однако, не совсем. Говорили тут громче и громче смеялись. И не только по праздникам. Пушкин никак не мог решить, нравится ему это или нет. А еще здесь не было снега. На календаре январь, а на могучих каштанах, стороживших бульвары, заложенные еще при «короле-солнце», уже набухали почки, готовые вот-вот прыснуть клейной листвою. Под одним таким каштаном и произошла встреча, о которой мы вам сейчас незамедлительно и поведаем.

29 января 1837 года, в районе полудня, Пушкин прогуливался по бульвару. Хотя «прогуливался» — слишком громко сказано: в этот час тут было так многолюдно, что дорогу себе приходилось иногда прокладывать локтями. «Вот ведь понаехало туристов, — не без раздражения думал поэт, проживший в Париже уже целую неделю, а потому чувствовавший себя здесь совершенным старожилом. — Медом им тут, что ли, намазано?!» Он уже было решил свернуть в узкую боковую улочку, но, как говорится, быстро сказна сказывается, да несноро дело делается. Пришлось пустить в ход тяжелую трость, которая всегда была при нем, как вдруг...

- Дьявол! — взвыл от боли какой-то прохожий, которого Пушкин весьма бесцеремонно стунул тростью по ноге. — С ума вы спятили, что бросаетесь на людей?
- Простите, не хотел потревожить, — извинился поэт и уже собирался нырнуть в узкий просвет между затянутыми в пальто и плащи спинами, как могучая рука — не рука, а настоящая лапища — больно сдавила его плечо:
- Глаза вы, что ли, забываете дома, когда выходите на бульвар?!
- Сударь, я ведь, кажется, извинился. — Пушкин подбоченился и смерил невежу холодным взглядом сверху вниз (насколько это вообще возможно, если верхний край твоего цилиндра упирается грубияну в подбородок). — Я сказал «простите» и, если вам так угодно, повторю это еще раз.
- Вы говорите «простите» и считаете дело исчерпанным? Не совсем так, молодой человек, — не унимался великан. — У нас, в Париже, так дела не делаются, сразу видно, что вы приезжий! Жду вас через час возле монастыря Дешо. Там я научу вас хорошим манерам.
- Это вызов? — Пушкину наконец удалось сбросить с плеча громадную ручищу, и теперь он не без любопытства рассматривал своего неожиданного противника. Перед ним высился человек-гора примерно одних с ним лет, темноволосый, нудрявый, с толстыми губами и небольшими, но невероятно пронизательными глазами. — Да бросьте вы, сударь! У меня было тридцать дуэлей, я и сам уже все не припомню, ученые-пушкинисты — и те со счета сбились.
- Тридцать дуэлей?! — заинтересовался толстогубый. — Откуда ж вы прибыли к нам, неужто из Гаскони?!

А помешает – златокудрая красавица злодейка, – предложил Пушкин, вновь подманивая голубей. – Кстати, бывшая жена одного из мушкетеров. О! Это страшная женщина, я бы на вашем месте отрубил ей в финале голову.

Дюма опять хотел возразить, но Пушкин предостерегающе поднял палец:

- Но, заметьте, этот юный задира вызовет на дуэль любого, кто осмелится усомниться, что он в состоянии купить Лувр! Да что там Лувр — Париж! Всю Францию, если ему заблагорассудится.
- Продолжайте, прошу вас. — Дюма нетерпеливо заерзал, судя по всему, история начала его по-настоящему увлекать. — И что же было дальше?
- В первый же день наш бедный гаснонец умудряется поссориться сразу с тремя блестящими королевскими мушкетерами, и те его, конечно же, вызывают на дуэль!
- К монастырю Дешо, полагаю, — расхохотался Дюма.
- Именно, мой друг, именно! Но дуэль не состоялась!
- Что же им помешало? Неужто brave мушкетеры пригласили мальчишку на шоколад с круассанами? — От смеха Дюма уже начал икать.
- Нет, давайте придумаем причину более героическую, — предложил Пушкин. — Например, дуэлянтов попыталась арестовать полиция.
- Гвардейцы кардинала Ришелье!
- Ну, пусть будут гвардейцы. Однако наши мушкетеры и примкнувший к ним гаснонец были не намерены сдаваться без боя — и не сдались, а обратили гвардейцев в бегство, посылая им вслед обидные ругательства.
- Тысяча чертей, мне это нравится! — восторженно прорычал Дюма.
- Потом наши герои крепко подружились и оназились втянуты в канюю-нибудь дворцовую интригу.
- Нам не хватает женщин!
- Будут и женщины, друг мой нетерпеливый, — тонко улыбнулся Пушкин. — Королева Франции подойдет вам на роль женщины?
- Она в опасности, и ее нужно спасти во что бы то ни стало! — Дюма хлопнул кулаком по столу.
- Как вариант, — согласился Пушкин. — Представим, что она по неосторожности подарила канюю-то драгоценность своему возлюбленному, королю донесли, и теперь Ее Величеству грозит бесчестие.
- И вот тут-то и появляются наши красавцы-молодцы! — завопил Дюма столь зычно, что голуби, чинно обедавшие крошками у его ног, испуганно разлетелись кто куда. — Им нужно в считанные дни добыть эту драгоценность — мм... допустим, алмазные подвески — и вернуть их королеве. А поможет им в этом премиленькая служанка Ее Величества, в которую наш гаснонец без памяти влюблен.
- ...А помешает — златокудрая красавица злодейка, — предложил Пушкин, вновь подманивая голубей. — Кстати, бывшая жена одного из

мушкетеров. О! Это страшная женщина, я бы на вашем месте отрубил ей в финале голову.

- Но только после того, как она отравит хорошенькую служанку королевы — идет?
- По рукам, — рассмеялся Пушкин и блаженно откинулся на спинку стула.
- И что, вы действительно дарите мне этот сюжет? Просто так? Может, все же себе оставите? — на всякий случай уточнил Дюма.
- Ой, да я вас умоляю, — зевнул Пушкин. — Знаете, сколько сюжетов я за свою жизнь раздарил?! И не сосчитать. Слышали, может, про такого писателя — месье Гоголя? Дивную пьеску сочинил — «Ревизор» называется. О пройдохе, которого в маленьком городишке принимают за важную птицу. Это я ему сюжет подкинул. И вот еще один, про мошенника, который колесит по стране и скупает у помещиков давно умерших крестьян, чтобы заложить их в банк и получить деньги как за живых. Только вот не знаю, воспользуется ли этот ленивец моим гениальным сюжетом или нет, но то уже не моя печаль.

Зимнее солнце клонилось к закату, когда новоиспеченные друзья наконец расстались, весьма довольные друг другом. На прощание Пушкин пригласил Дюма в Россию, пообещав, если тот приедет, подарить ему еще один блестящий сюжет: про молодую француженку, отправившуюся в Сибирь вслед за своим женихом-бунтовщиком.

Поэт свернул за угол, как вдруг услышал за спиной громкий топот: его догонял запыхавшийся от быстрой ходьбы Дюма.

- Я же самое главное у вас не спросил, друг мой! Как вам наши круасаны?!
- Сударь, они превосходны, — засмеялся Пушкин. — Будете в Петербурге — отплачу вам той же монетой: угощу моченой морошкой, достойной лишь царей и великих писателей.

